

УДК 94(47+571).084.8

Р.Е. РОМАНОВ

ДЕНЕЖНЫЕ СТИМУЛЫ ТРУДА РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ОБОРОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: rromanov1981@mail.ru

Статья посвящена выявлению роли денежных стимулов в интенсификации производственной деятельности рабочей молодежи оборонных предприятий Сибири в годы войны. С этой целью проанализированы динамика, виды, дифференциация оплаты труда и отношение к ней юных заводчан. Охарактеризованы изменения в среднем размере заработной платы заводских учеников и рабочих, в частности в возрасте до 25 лет. Показано использование повременной, сдельной и прогрессивной оплаты, а также соотношение этих стимулирующих форм заработной платы на крупных предприятиях региона. Отмечены различия в заработках юных тружеников в зависимости от условий, содержания, объема и качества выполняемой работы, в том числе между их самыми низко- и высокооплачиваемыми категориями – подсобными работниками и высококвалифицированными рабочими-стахановцами. Рассмотрено применение премиальной системы поощрения стахановского труда, отличавшегося высокой производительностью. В статье освещены условия повседневной жизни военного времени, повлиявшие на уменьшение значения зарплаты в жизнеобеспечении молодых рабочих. Показано существенное сокращение ее реального содержания в связи с ростом фискального прессы со стороны государства и рыночных цен. Вместе с тем, отмечено, что нормированное распределение продуктов питания и промтоваров носило характер товарно-денежного обмена, что исключало полное обесценивание заработков в глазах юных тружеников. Благодаря этому заработная плата была одним из важных факторов выживания рабочей молодежи в военные годы. Невыплата или задержка зарплаты могла вызвать негативные настроения в ее среде и привести к нарушению производственной дисциплины. Однако в целом денежное вознаграждение перестало играть самостоятельную роль в материальном стимулировании юных заводчан, так как реальное содержание трудовых доходов поддерживалось лишь благодаря системе нормированного снабжения.

Ключевые слова: сибирский тыл, оборонная промышленность, рабочая молодежь, денежные стимулы труда, заработная плата.

В годы Великой Отечественной войны одной из форм материального стимулирования труда рабочих оборонных предприятий являлась его денежная оплата. Несмотря на возрастание роли нормированного снабжения, рычагов морального воздействия, заработная плата, премирование и прочие выплаты оставались в арсенале трудовых стимулов, использовавшихся для поощрения промышленного персонала. В военное время более половины рабочих, выпускавших вооружение и боеприпасы, составляла молодежь в возрасте до 25 лет. В данных условиях виды денежного вознаграждения распространялись, прежде всего, на юношей и девушек, впервые поступивших на производство. Наиболее высоким рост зарплаты был на предприятиях азиатской части СССР. В связи с этим изучение вопроса о стимулирующем влиянии заработка на трудовую деятельность юных работников оборонных заводов сибирского тыла является весьма актуальным.

В новейшей отечественной историографии имеются неоднозначные точки зрения относительно роли денежных стимулов в годы войны. Одна из них сводится к тому, что материальное стимулирование не имело существенного значения для формирования у работников мотивов к труду (В.А. Сомов) [1; 2]. Дру-

гая позиция заключается в наличии значительного влияния материального вознаграждения, в том числе денежных выплат, на трудовую активность рабочих (А.В. Шалак) [3].

В одной из своих публикаций автор данной статьи также уделит внимание выявлению эффективности мер по стимулированию труда рабочей молодежи сибирского тыла. В частности, был сделан вывод об изменении в условиях войны соотношения между зарплатой и нормированным снабжением в пользу последнего [4]. Более детальная разработка этого аспекта наводит на мысль о том, что роль заработка в поддержании интенсивной производственной деятельности юных тружеников оборонных предприятий не упала до нуля, а качественно изменилась под влиянием условий военного времени. В связи с этим цель данного исследования заключается в выявлении динамики, видов и дифференциации оплаты труда, а также отношения молодых рабочих к денежным стимулам.

В годы войны массовое включение молодежи в производство сопровождалось ее коротким техническим обучением. Во время учебы по специальности подростки и молодые люди получали ученическую заработную плату. В 1944 г. на предприятиях Наркомата боеприпасов среднемесячная ученическая зарплата

достигала 145 руб.¹ На пяти заводах и комбинатах промышленности боеприпасов Новосибирской области этот показатель составлял 223 руб. С учетом сведений по другим военно-промышленным отраслям он был немного ниже. В 1943 г. по девяти оборонным заводам Сибири ученики зарабатывали 215 руб., в 1944 г. – 207 руб. Размер их оклада к концу войны немного сократился.

Средний заработок квалифицированных рабочих в 2,5–3 раза превышал ученический. В годы войны его размер в отраслях оборонного комплекса заметно увеличился. Если в 1940 г. заработная плата авиастроителей составляла 473 руб., то в 1944 г. – 686 руб. На сибирских предприятиях авиапрома она повышалась быстрее, чем по отрасли в целом. На заводе им. В.П. Чкалова зарплата рабочих увеличилась с 433 руб. в 1940 г. до 788 руб. в 1944 г., или на 82 % (по авиапрому – на 45 %). В целом уровень оплаты труда в производстве вооружения и боеприпасов Сибири заметно возрос. В 1943 г. по 15 оборонным предприятиям региона рабочие получали в среднем 609 руб., в 1944 г. – 669 руб.² Следовательно, только за один год их заработки выросли на 10 %.

Что касается данных о заработной плате заводской молодежи, то они являются фрагментарными. По воспоминаниям ветерана новосибирского завода № 386 А.Н. Алексеевой, ее величина составляла от 400 до 600 руб. [5, с. 72]. Весной 1943 г. на заводе № 644 юноши и девушки зарабатывали от 200 до 800 руб., осенью – от 250 до 1000 руб. Осенью 1944 г. на красноярском заводе № 703 средний оклад трудящихся до 25 лет достигал 450–500 руб., в том числе в механическом цехе – 275, механосборочном – 454, антикарозийном – 562 руб.³ Разница в зарплате объясняется различными специальностями, квалификациями, условиями и содержанием труда юных заводчан.

Существенные различия в заработках являлись следствием политики отраслевых наркоматов и ЦК профсоюзов, дирекций заводов по материальному стимулированию трудовой деятельности рабочих. В годы войны на оборонных предприятиях Сибири действовала восьмиразрядная тарифная сетка заработной платы с ее разницей в 3,6 раза. Дифференциация заработка обуславливалась поразрядно возрастающими ставками повременной и сдельной оплаты труда. Повременная оплата зависела от продолжительности, условий и трудоемкости работы, квалификации, сдельная –

от количества и качества изготовленной продукции с учетом установленных норм и расценок. «Сдельщина» позволяла при перевыполнении сменных заданий переводить трудящихся на прогрессивную оплату. При выработке опытно-статистических норм от 101 до 120 % сдельные расценки увеличивались на 50 %, свыше 120 % – на 100, расчетных технических норм от 101 до 110 % – на 100, свыше 110 % – на 200 %. В отличие от сдельщиков, повременщики за высокие показатели получали премию в размере от 20 до 50 % от месячного оклада⁴.

О стремлении руководства крупных оборонных заводов Сибири использовать стимулирующие системы оплаты труда в отношении заводской молодежи свидетельствуют данные по новосибирским предприятиям НКБ. В середине 1942 г. при ее высоком удельном весе (60–85 %) на комбинате № 179 сдельную заработную плату получали 60–80 % рабочих. На прогрессивной оплате находились 50–60 % всех сдельщиков⁵. На 1 января 1944 г. на заводе № 635 доля юношей и девушек составляла 60,5 %. Сдельные заработки имели две трети трудящихся предприятия, в том числе прогрессивные – около 1/5, повременные – треть⁶. Следовательно, большинству молодых заводчан выплачивалась сдельная зарплата.

Более наглядно применение сдельщины характеризует дифференциация оплаты труда в одних и тех же профессиональных и квалификационных категориях рабочей молодежи. В 1944 г. на заводе № 703 рабочие-сдельщики до 16 лет зарабатывали от 150 до 200 руб., от 16 до 25 лет – от 300 до 500 руб. На комбинате № 179 подростки, имевшие третий-пятый разряд, получали 300–400 руб. или в 1,5–2 раза меньше основной массы рабочих⁷. Эти различия в заработной плате были связаны с разницей в содержании, объеме и качестве выполняемой работы, влиявших на размер сдельного заработка.

Нередко начальники заводских цехов давали подросткам низкоквалифицированную работу. Осенью 1942 г. воспитанники Томского ремесленного училища № 10 Г. Казаков, А. Соловьев, Е. Макаров, П. Бомбенко изготавливали шаблоны для серийного выпуска деталей. Средняя зарплата выпускников РУ составляла 130 руб. Занятость юных тружеников в непроизводственных цехах предприятий приводила к еще большему снижению их потенциального заработка. В 1943 г. на заводе им. В.П. Чкалова чернорабочие-подростки получали по 60–70 руб.⁸ Данный контингент трудящихся являлся самым низкооплачиваемым в связи с выполнением подсобной работы.

Квалифицированные производственники, напротив, имели возможность значительно повысить зара-

¹ *Парамонов В.Н.* Тени военного времени 1941–1945 гг.: распределение и спекулятивный рынок // Вестник Самарского гос. ун-та. 1999. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/content/hist.html>

² Посчитано по: Государственный архив Красноярского Края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 4. Д. 19. Л. 94; Ф. Р-1341. Оп. 1. Д. 30. Л. 16; Д. 35. Л. 16; Д. 38. Л. 12; ГАКО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 2. Л. 27, 37, 58; ГАНО. Ф. 11. Оп. 46. Д. 27. Л. 1; Д. 60. Л. 27; Д. 85. Л. 15; Д. 88. Л. 32; Д. 91. Л. 17; Д. 92. Л. 25; Д. 96. Л. 35; Д. 99. Л. 13; Д. 122. Л. 10; Д. 126. Л. 12; Д. 128. Л. 29; Д. 131. Л. 12; Д. 132. Л. 14; Д. 137. Л. 29; Д. 140. Л. 42; Д. 142. Л. 32; ГАТО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 5. Л. 27, 33; ГА РФ. Ф. Р-8044. Оп. 1. Д. 2976. Л. 36.

³ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 706. Л. 49; ГАКК. Ф. П-1474. Оп. 3. Д. 675. Л. 75.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 129. Л. 43.

⁵ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 710. Л. 18; ГА РФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 129. Л. 70.

⁶ ГАНО. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 31. Л. 88–89.

⁷ ГАКК. Ф. П-1474. Оп. 3. Д. 675. Л. 75; Д. 676. Л. 13; ГА РФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 279. Л. 154.

⁸ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1184. Л. 112; Оп. 1. Д. 712. Л. 197.

ботки за счет включения в стахановское и ударническое движение, комсомольско-молодежные бригады. В 1943 г., по сведениям ЦК ВЛКСМ, в авиационной промышленности молодые токари и слесари 5–6 разряда зарабатывали от 850 до 1300 руб. в мес. В июне 1943 г. на омском заводе № 166 одна из фронтовых бригад, состоявшая из пяти рабочих, получила 6370 руб. С учетом заработной платы бригадира в 1770 руб., на остальных четырех приходилось в среднем по 1150 руб.⁹ В это время на новосибирском заводе № 520 НКБ при рабочем окладе в 544 руб. заработки юных стахановцев Берестова, Варнавского, Головни, Гордышева, Худякова составляли от 600 до 821 руб.¹⁰ Стахановские зарплаты превышали средний уровень оплаты труда по предприятию на 10–50 %.

Еще одним фактором неравенства трудовых доходов рабочих являлось премирование. Количество и удельный вес трудящихся, охваченных премиальной системой, были незначительными. В 1943–1944 гг. на заводе № 635 их число составляло от 41 до 256 чел., доля в составе персонала – от 1,7 до 9,7 %¹¹. Особое внимание дирекции предприятий уделяли премированию победителей соцсоревнования, конкурсов лучших рабочих по профессии, многостаночников, рационализаторов. В феврале 1943 г. за 3-е место во Всесоюзном соревновании по НКАП, завоеванное бердским заводом № 296, премии получили 130 молодых рабочих. На омском заводе № 29 были премированы 80 юношей и девушек, обслуживавших по два или несколько станков¹². В целом премии выплачивались стахановцам и ударникам за высокие производственные достижения.

Размеры премий устанавливались приказами директоров предприятий. В 1943 г. на новосибирском заводе № 677 победители конкурса на звание лучшего слесаря-наладчика автоматов и слесаря по ремонту оборудования получили премиальные выплаты от 500 до 1000 руб. На заводе № 842 (Юрга) расточник Алпаев был премирован на 400 руб., обмотчица Гладких – 500, фрезеровщик Самусенко – 500, регулировщик Медведев – на 600 руб.¹³ В случае с бригадами дополнительное вознаграждение сначала выплачивалось всему коллективу, а затем распределялось между его отдельными работниками. В 1944 г. на Томском электромеханическом заводе бригадам, занявшим 1-е место в соревновании, выдавалась премия в размере 1900 руб., 2-е место – 950 руб., 3-е место – 500 руб. В феврале 1945 г. на заводе № 644 каждая бригада, удостоенная звания «фронтовой», награждалась премией в сумме 1000–1200 руб., «гвардейской» – 1500–2500 руб.¹⁴ В целом премиальные выплаты также увеличивали разницу в размере оплаты труда рабочей молодежи.

⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 85. Л. 7; Д. 101. Л. 30.

¹⁰ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 712. Л. 29.

¹¹ ГАНО. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 31. Л. 88; Д. 45. Л. 29.

¹² ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 6. Д. 119. Л. 8.

¹³ Там же. Оп. 7. Д. 128. Л. 21; ГАКО. Ф. П-15. Оп. 1. Д. 15. Л. 32.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 764. Л. 40; Д. 954. Л. 68.

С точки зрения руководства наркоматов и предприятий применение стимулирующих систем и дифференциация оплаты труда должны были побуждать молодых рабочих к улучшению производственных показателей. Однако условия тыловой повседневности нивелировали разрыв в зарплате между низко- и высокооплачиваемыми категориями трудящихся. В первой половине 1940-х гг. в СССР существенно выросли налоги и госзаймы. Если в 1940 г. из 340-рублевого заработка рабочего удерживалось 32 руб. 30 коп., то в 1944 г. из 484-рублевого – 145 руб. 20 коп. [6, с. 238]. Доля его трудового дохода, отчислявшаяся в госбюджет, увеличилась с 9,5 до 30 %.

Огромное влияние на снижение реального содержания заработной платы оказывал рост рыночных цен на товары. В связи с этим потенциальная потребительская корзина горожан резко сократилась. В октябре 1941 г. молодой рабочий оборонного завода Новосибирска, получавший в среднем 400–500 руб., мог купить 150–190 кг картофеля или 19–24 кг говядины. В апреле 1943 г. при зарплате в 600 руб. он имел возможность приобрести 12,6 кг картофеля или 2,7 кг говядины. В апреле 1945 г. такая зарплата позволяла юным труженикам рассчитывать на покупку 46,7 кг картофеля или 4,6 кг говядины [7, с. 310]. В конце войны покупательский потенциал заработной платы рабочей молодежи был в несколько раз ниже, чем осенью 1941 г.

В этих условиях заработок стал гораздо менее привлекательным в глазах рабочих. Наиболее ярко данная ситуация описана в мемуарах ветерана завода № 386 А.М. Чуркина: «Мы добросовестно работали в своих сменах, выполняя и перевыполняя нормы выработки. Получали зарплату. Собственно, на величину зарплаты особого внимания не обращали. Все равно, на полученные деньги в магазине нечего было купить, все давалось по карточкам» [8, с. 58–59]. Последнее утверждение мемуариста не является бесспорным: после получения карточек трудящиеся выкупали хлебный паек и обед в заводских столовых, промтовары – в магазинах отделов рабочего снабжения. Следовательно, распределение дефицитных продуктов питания и вещей по государственным ценам (в 20–25 раз ниже рыночных) через ОРСы предприятий носило товарно-денежный характер, что исключало полное обесценивание зарплаты с точки зрения молодых рабочих.

Некоторые факты подтверждают данное предположение. В 1944 г. при месячных затратах на трехразовое питание в столовых предприятий НКБ в 180–200 руб. заработок рабочих-подростков составлял 250–300 руб.¹⁵ Если зарплата была ниже, то ее не хватало даже на покупку нормированных пайков. В отчете инспектора ЦК профсоюзов рабочих НКБ «О состоянии условий труда и быта подростков, работающих на заводах промышленности боеприпасов СССР за первый квартал 1945 г.» отмечалось, что «подростки-одиночки расходуют зарплату в основном на питание и под-

¹⁵ Парамонов В.Н. Указ. соч.

час этой зарплаты не хватает и они остаются должниками»¹⁶. В данном документе приводились примеры погашения этих недоимок дирекциями предприятий, которые также можно рассматривать в контексте материального стимулирования труда заводской молодежи.

Во время производственных простоев с типичной проблемой сталкивались и молодые стахановцы, оставшиеся без стабильного заработка. 10 июля 1943 г. на партийной конференции завода им. В.П. Чкалова первый секретарь комитета комсомола Рапохин охарактеризовал данное явление на примере юной работницы цеха № 8 Никоненко. Длительное время девушка не получала зарплату из-за отсутствия производственных заданий. В результате она не могла уплатить за обед в столовой, что стало причиной бегства работницы с предприятия. Рассказав об этом эпизоде, руководитель заводской комсомольской организации подчеркнул, что речь шла о типичном случае «дезертирства» молодых рабочих с предприятия¹⁷.

Распределяемые продпайки и промтовары являлись не единственными источниками денежных затрат рабочей молодежи. В поисках дополнительных источников пропитания юноши и девушки устремлялись на городские базары. При отсутствии вещей для обмена на продукты питания их можно было приобрести лишь за деньги. Поэтому случаи невыплаты или задержки зарплаты нередко находили отражение в жалобах юных тружеников, адресованных комсомольским функционерам. Например, в справке по итогам проверки завода № 703 заведующим отделом рабочей молодежи Красноярского крайкома ВЛКСМ Б. Литваком было зафиксировано высказывание токаря Матвея Колятного: «Первую неделю после полочки можем хоть картошки купить, но полочку задерживают. Уже март, а мы еще за январь не получили денег. Так и живешь, едим один раз в сутки»¹⁸. В данном случае отчетливо видна связь между отсутствием стабильного заработка и невозможностью покупки продуктов, лишавшей работников оборонного производства дополнительного питания.

Более объективное представление о значении денежных стимулов для заводской молодежи дают совокупные данные о статьях ее расходов. В июле 1944 г. на заводе № 703 работница Чупина заработала 362 руб., из которых 112 руб. ушли на уплату налогов и госзаимов. Из оставшихся 250 руб. девушка уплатила 40 руб. за проживание в общежитии, 100 руб. – за питание в столовой. Остальные 110 руб. были потрачены ею на покупку продуктов на городском рынке. Материальное положение большинства молодых рабочих предприятия было примерно таким же¹⁹. В связи с этим их мотивация к заработку была обусловлена стремлением получить пищу и крышу над головой.

Следовательно, денежное вознаграждение оказывало стимулирующее воздействие на производ-

ственную деятельность рабочей молодежи оборонной промышленности сибирского тыла. В годы войны руководство наркоматов и предприятий региона широко использовало в отношении юношей и девушек такой традиционный трудовой стимул, как рост месячного заработка. Его основным фактором являлось применение тарифной сетки оплаты труда (повременной и сдельной), а также прогрессивных выплат и премий. Последние формы стимулирования способствовали возникновению 10–20-кратной разницы в зарплате между самыми низко- и высокооплачиваемыми категориями юных заводчан. Огромный разрыв в зарплатах должен был сформировать у подростков и молодых людей материальную заинтересованность в достижении стахановских производственных рекордов, за которые полагались максимальные выплаты.

Несмотря на падение уровня жизни городского населения, заработок полностью не утратил своего значения в формировании и развитии трудовой мотивации молодых рабочих. В условиях войны денежные стимулы продолжали действовать в сочетании с нормированным снабжением, а также в качестве источника жизнеобеспечения, дополнившего его скудный материальный потенциал. Очевидно, поэтому многие юные заводчане стремились больше заработать, чтобы повысить шансы на выживание. Обратная ситуация, связанная со снижением или невыплатой заработной платы, могла вызвать у них негативные настроения и привести к самовольному уходу с предприятия.

Тем не менее в годы войны денежное вознаграждение перестало играть самостоятельную роль в материальном стимулировании юных тружеников, так как реальное содержание зарплаты поддерживалось лишь благодаря системе нормированного снабжения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Самов В.А.* Потому что была война: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нижн. Новгород, 2008.
2. *Самов В.А.* Труд и долг: материально-бытовые аспекты трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) (по материалам Волго-Вятского региона) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12, № 2. С. 5–19.
3. *Шалак А.В.* Система мотивации в системе распределения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12, № 2. С. 20–40.
4. Стимулирование труда рабочей молодежи оборонных предприятий Сибири в годы войны // Исторический ежегодник. 2012: сб. науч. тр. Новосибирск, 2012. С. 184–198.
5. «Долга на земле не имею». Рассказывают ветераны // Букин С.С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов. Новосибирск, 2001.
6. Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945: сб. док. М., 2003.
7. *Букин С.С., Романов П.Е.* Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск, 2012.
8. *Чуркин А.М.* Мое поколение. Новосибирск, 2006.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 13. Д. 106. Л. 31.

¹⁷ ГАНО. Ф. П-738. Оп. 1. Д. 410. Л. 49.

¹⁸ ГАКК. Ф. П-1474. Оп. 3. Д. 675. Л. 34–35.

¹⁹ Там же. Л. 75.